

Это был элитный жилой квартал. Но стоило Чжоу Дафэю миновать его границы и выйти на внешние улицы, как вокруг зашумела, задвигалась пестрая толпа.

Здесь торговый-жилой район гудел от оживления. Время близилось к ужину, в ресторанах не было свободных мест, а у дверей, лениво переговариваясь, толпились курьеры службы доставки в ожидании очередных заказов.

Проходя мимо одной из таких групп, Чжоу Дафэй прислушался к обрывкам фраз. Судя по разговорам, среди курьеров были «хэнпяо» — хэндяньские скитальцы.

Когда везло, они снимались в массовке, а в остальное время крутили педали и развозили заказы, чтобы хоть как-то заработать на кусок хлеба.

Раньше Чжоу Дафэй никогда не бывал в Хэндяне и совершенно не знал города. Он брёл наобум по узким улочкам, где тротуар практически сливался с проезжей частью, а мимо то и дело с рёвом проносились мотоциклисты.

Он уже и забыл, когда в последний раз вот так просто, бесцельно гулял по улице. То, что когда-то казалось будничной мелочью, вдруг превратилось в непозволительную роскошь.

Свобода — как кислород: каждому нужен свой минимум, чтобы дышать. Чжоу Дафэй дорожил ею отчаяннее многих. Лишившись её, он уподобился пловцу с огромным объёмом лёгких, которого внезапно забросило на высокогорье: в голове шумело, в груди давило, и он задышался без воздуха.

Спустя пару кварталов чутьё вывело его на улицу баров.

Профессиональные актёры всегда выделяются из толпы. Звёзд первой величины здесь не наблюдалось, но красивых парней и девушек хватало. Вывески питейных заведений уже вовсю горели неоном, хотя вечер едва начинался.

— Чжоу Дафэй?

Он неохотно обернулся на звук своего имени. Из сумерек к нему шагнул Шэнь Цзуй.

Раз уж режиссёр укатил по своим делам, актёрам сам бог велел расслабиться. Сегодня Шэнь Цзуй выглядел куда ухоженнее и ярче, чем во время их первой встречи — должно быть, сказывалось то, что его утвердили на роль второго плана в картине Пэй Яня. Рядом с ним стоял высокий парень, судя по всему, приятель, с которым они выбрались развлечься.

— Надо же, не знал, что ты тоже в Хэндяне, — улыбнулся Шэнь Цзуй. — На площадке тебя не видно.

— Я туда и не хожу, — сухо отозвался Чжоу Дафэй.

В глазах Шэнь Цзюя промелькнуло мимолётное удивление, но он тут же мягко кивнул:

— У меня сегодня как раз нет съёмок, решили с другом пропустить по стаканчику. Присоединишься?

Если не брать в расчёт кино, Шэнь Цзуй оставался для Чжоу Дафэя совершенно посторонним человеком. Тот не собирался осуждать его за сомнительные методы получения ролей, но и бывшие творческие заслуги актёра не вызывали в нём трепета. К тому же вежливость Шэнь Цзюя на сто процентов диктовалась фигурой Пэй Яня.

— Спасибо, не стоит, — Чжоу Дафэй скользнул взглядом по светящимся витринам баров. — Я просто прогуливаюсь.

Прежде чем Шэнь Цзуй успел ответить, его спутник сделал шаг вперёд, внимательно вглядываясь в лицо режиссёра.

— Погоди... Ты ведь Чжоу Дафэй?

— Да, — Чжоу Дафэй впервые присмотрелся к незнакомцу.

В отличие от утончённого и мягкого Шэнь Цзюя, этот парень казался суше и выше. Стильный, подтянутый — наверняка тоже актёр или модель.

— То-то я думаю, лицо знакомое, — парень открыто улыбнулся. — Я Лян Вэй.

Чжоу Дафэй на секунду задумался, но имя ему ничего не говорило.

— Лян Вэй?

— Чжао Умяня знаешь? — пояснил тот, видя его замешательство. — Когда я открывал бар в Пекине, вы приходили вдвоём.

При упоминании этого имени Шэнь Цзуй заметил, как дрогнул взгляд Чжоу Дафэя. Тот не спешил подтверждать знакомство, лишь слегка нахмурился, силясь растормошить память.

Спустя мгновение его лицо разгладилось.

— Вспомнил. Прошлый сочельник. Чжао Умянь возвращался из театра в университет, и у него скрутило желудок. Это ведь ты отвёз его в больницу?

Лян Вэй на секунду опешил, а затем согласно кивнул:

— Точно. Он тогда перебрал после спектакля, я наткнулся на него у дороги и вызвал скорую.

Напряжение во взгляде Чжоу Дафэя растаяло. Он с благодарностью посмотрел на нового знакомого:

— Спасибо тебе огромное. На самом деле Чжао Умянь вообще не умеет пить.

— А кто это? — с любопытством вмешался Шэнь Цзуй.

— Мой одноклассник из университета, с филфака, — коротко бросил Чжоу Дафэй.

В итоге он всё же поддался на уговоры и зашёл с ними в полумрак ближайшего заведения.

— Чжао Умянь говорил мне, что ты его лучший друг, — оживлённо рассказывал Лян Вэй, едва они заняли столик. — Вы ведь собирались в тот вечер вместе пойти на «Евгения Онегина», но тебя внезапно сорвали на режиссёрские курсы в Шанхай.

Чжоу Дафэй молча взял со стола стопку крепкой, под шестьдесят градусов, водки и сделал медленный глоток, словно прислушиваясь к обжигающему теплу внутри.

— Мы оба без ума от русской классики, — негромко произнёс он. — Я тогда крупно перед ним провинился. О том, что он попал в больницу, я вообще узнал только задним числом.

— Ну брось, — отмахнулся Лян Вэй. — Он просто не хотел тебя грузить. Понимал же, что на кону твоё будущее.

На улице ещё толком не стемнело, но внутри бара вовсю царил искусственный мрак. Неоновые лучи сплетались в причудливые, почти зловещие узоры.

Губы Чжоу Дафэя тронула горькая усмешка. В этот миг на его лицо упал ядовито-зелёный свет прожектора, сделав улыбку изломанной, а взгляд — пугающе отрешённым.

"Будущее? — горькая мысль отозвалась эхом в груди. — Моё блестящее будущее закончилось в тот день, когда я встретил Пэй Яня"

— Так как вы всё-таки познакомились? — поинтересовался Шэнь Цзуй.

— Мой приятель по съёмкам поступил в Институт искусств Университета А, — охотно объяснил Лян Вэй, кивнув на Чжоу Дафэя. — Там он прибил к театральному клубу, ну и спелся с этой

парочкой. А когда я открывал своё первое заведение и зазывал туда всех подряд ради массовки, они пришли поддержать за компанию.

Тем общим приятелем был Сюй Фэнъянь. Именно он из лучших побуждений всучил Чжоу Дафэю приглашение на те злосчастные курсы в Шанхае.

На те самые курсы, из-за которых Чжоу Дафэй пропустил долгожданного «Онегина», оставил друга один на один с приступом и в итоге... ввязался в драку с Пэй Янем.

Ирония судьбы была настолько извращённой, что от одних воспоминаний к горлу подкатывала тошнота.

— В тот вечер народу было море, мы толком и не пообщались, так, переглянулись пару раз, — Лян Вэй с улыбкой поднял свой бокал. — Но раз уж судьба свела нас сегодня здесь, грех не выпить. За встречу!

Чжоу Дафэй молча кивнул и единым глотком, не меняясь в лице, осушил стопку крепкого алкоголя.

— Ого, а ты силён, — искренне изумился Шэнь Цзуй.

— Ещё как силён! — поддакнул Лян Вэй, щедро обновляя порцию гостю. — Чжао Умянь божились, что этот парень за столом легко перепьёт целую компанию.

Шэнь Цзуй заворожённо наблюдал за ним. Он никогда не видел Чжоу Дафэя таким.

Когда они впервые столкнулись в загородном доме Пэй Яня, Чжоу Дафэй показался ему обычным, пусть и харизматичным юношей, которому просто несказанно повезло привлечь внимание знаменитого режиссёра. Да, со своим мнением, но довольно скромным и не лезущим на рожон.

А тут обнаружилась такая стальная хватка.

Чжоу Дафэй снисходительно усмехнулся:

— Похоже, Чжао Умянь выболтал тебе вообще всё моё грязное бельё.

— Почти, — рассмеялся Лян Вэй и щёлкнул пальцами, подзывая официанта, чтобы заказать ещё бутылку водки. — Он без умолку трещал о вашем театральном клубе. Рассказывал, как ты, будучи председателем и главным режиссёром, строил труппу. Зверь, говорит, а не человек — все ходили по струнке, никто и пикнуть не смел.

Чжоу Дафэй лишь закатил глаза.

— И ведь ладно бы просто тиран, так ты любую попытку бунта гасил на корню, раскладывая оппонентов по полочкам железными аргументами, — с искренним восхищением добавил Лян Вэй. — Не зря тебя прозвали «Талантом Чжоу».

— Чжао Умянь вечно мелет языком, у него ни одно слово нельзя делить на два, — фыркнул Чжоу Дафэй, хотя в уголках его губ притаилась тёплая улыбка. — Меньше слушай его байки. Он из тех чудил, кто на признание в любви может ляпнуть: «Поздравляю, желаю поскорее найти парня».

— И всё же, — посерьёзнел Лян Вэй. — Я видел в сети запись вашей выпускной постановки, «Маска слепца». Знаешь, режиссёр Чжоу... Пусть театр и кино — разные вещи, но у тебя потрясающее чутьё, глубина и стиль. Это гораздо ценнее любого диплома киношколы.

«Режиссёр Чжоу»...

Чжоу Дафэй вздрогнул. Он уже и забыл, когда его так называли в последний раз. Это обращение казалось отголоском какой-то чужой, давно прожитой жизни.

Он никогда не любил Университет А и терпеть не мог финансы. Сама учёба не оставила в его душе ничего, кроме глухого раздражения, и всё же эти четыре года были золотым веком его жизни. Время безудержного полёта, когда даже падения и разбитый в кровь лоб казались прекрасными и полными смысла.

Он никогда не боялся трудностей. Чжоу Дафэй желал одного — оставаться собой, чего бы это ни стоило. Он родился с упрямым, несгибаемым хребтом. Если перед ним вырастала стена, он готов был пробить её головой, прорубить тоннель сквозь скалу, но идти вперёд. Свобода или смерть — для него это не было пустой фразой.

А сейчас... Сейчас ему вырвали когти, обломали клыки и посадили на цепь. Чтобы просто глотнуть свежего воздуха, ему приходится перелезать через деревья и красться мимо ворот, как воришке.

Вокруг грохотала музыка, толпа сливалась в единый пьяный гул.

Заметив, как потемнело лицо спутника, Шэнь Цзуй наклонился ближе и негромко спросил:

— Всё в порядке? Не слишком ли быстро ты пьёшь?

— Нормально всё, — Чжоу Дафэй лишь отмахнулся с кривой усмешкой.

Шэнь Цзуй, будучи актёром авторского кино, обладал тонкой душевной организацией. Он был куда молчаливее своего приятеля и замечал малейшие перемены в чужом настроении. Подумав, он подозвал официанта и заказал для Чжоу Дафэя стакан холодного лимонного чая, чтобы тот немного освежился.

Тот вежливо кивнул в знак благодарности, но к чаю так и не прикоснулся.

Вернувшись на виллу, Пэй Янь первым делом заглянул в спальню. Не обнаружив там Чжоу Дафэя, он нахмурился, решив, что упрямец снова забился в какой-нибудь угол, выказывая свой протест.

Однако Сяо Лю выглядел не на шутку напуганным:

— Господин Пэй, господин Чжоу поднялся к себе сразу после обеда и больше не спускался.

Дом был небольшим, и его прочесали за считанные минуты. Пусто. На звонки беглец не отвечал.

Все вещи и багаж Чжоу Дафэя оставались нетронутыми, однако его домашние тапочки сиротливо стояли у кровати.

Лицо Пэй Яня потемнело от гнева. Зажав в пальцах нераскуренную сигарету, он опустился на кожаный диван в гостиной, откуда отлично просматривался весь первый этаж.

— Проверьте записи с камер у ворот, — ледяным тоном приказал он после недолгого молчания.

На записях не было ничего подозрительного. Беглец словно сквозь землю провалился.

Секретарь Ли паниковал едва ли не сильнее своего босса. Многолетний опыт подсказывал ему: если эти двое в ссоре, жизнь всех подчинённых превращается в кромешный ад.

— Может, на территории есть какой-то чёрный ход? — робко предположил он. — Ну, ушёл человек прогуляться...

— Вокруг кирпичный забор трёхметровой высоты, какой ещё чёрный ход? — Пэй Янь раздражённо закатил глаза и наконец щёлкнул зажигалкой. Затянувшись, он выдохнул плотное облако сизого дыма. — Ты думаешь, мы в «Побеге из Шоушенка»? Чжоу... Да... Фэй... Совсем страх потерял.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Присутствующие боялись даже вздохнуть лишний раз, подавляя подступающий от табачного дыма кашель.

Пэй Янь едва сдерживал бушевавшую внутри ярость:

— И вы хороши! Как можно было упустить взрослого парня?

За окном гроыхнуло. Вспышка молнии на мгновение озарила погружённую в полумрак гостиную, а следом на город обрушился яростный ливень. Тяжёлые капли с такой силой забарабанили по панорамным окнам, что казалось, стёкла вот-вот лопнут под их напором.

— Мне отправить людей на поиски? — осторожно спросил секретарь Ли. — Район тихий, машины у него нет, далеко уйти он не мог.

— Ищите, — Пэй Янь нервно потёр переносицу кончиками пальцев, в которых тлела сигарета.
— Проверьте все заведения подряд. Начните с барной улицы.

В полумраке клуба разгул стихии остался незамеченным — окна были наглухо занавешены, а оглушительные басы полностью заглушали шум дождя.

Чжоу Дафэй расслабленно откинулся на спинку дивана. Под переливами софитов десятки людей, разгорячённых алкоголем, предавались диким танцам, растворяясь в ритме.

Ему вдруг подумалось, что в каком-то смысле подобные злачные места — самые чистые на свете. Здесь никто не строил из себя праведников. Люди просто отдавались первобытным инстинктам, и это было куда честнее и приятнее ужимок тех лицемерных тварей, что разгуливают снаружи, прикрывая свою гниль масками благопристойности.

Лян Вэй, заметив бунтарский огонёк в глазах нового знакомого, заговорщицки подмигнул:

— Ну что, раскатаемся? Пойдём на танцпол?

Чжоу Дафэй с улыбкой качнул головой. Безумные пляски никогда его не прельщали — они не приносили ему ни адреналина, ни желанного покоя.

Шэнь Цзуй тоже не спешил бросаться в толпу. Он сидел тихо, потягивая свой напиток с неизменной мягкой интеллигентностью. Внезапно его взгляд зацепился за фигуру у входа.

— Секретарь Ли?.. — удивлённо протянул он.

Чжоу Дафэй мгновенно подобрался, хмель как рукой сняло. Проследив за направлением взгляда актёра, он действительно увидел мужчину в строгом деловом костюме, который смотрелся среди полуголой беснующейся толпы чужеродно.

Секретарь Ли тоже заметил их. Расталкивая локтями танцующих, он буквально взлетел к их столику:

— Господин Чжоу! Да вы издеваетесь надо мной! Решили окончательно меня доконать?!

Только сейчас Чжоу Дафэй разглядел, что брюки секретаря Ли промокли до колен, а в руке он сжимает мокрый зонт.

— Секретарь Ли, что случилось?.. — растерянno поднялся со своего места Шэнь Цзуй.

— Долго объяснять, — тяжело отдуваясь, Секретарь Ли без сил плюхнулся на диван рядом с Чжоу Дафэем. — Господин Чжоу, умоляю, поехали обратно. Учитель Пэй рвёт и мечет.

Лян Вэй нахмурился, переводя недоуменный взгляд с одного на другого:

— Что здесь происходит?

Лицо Чжоу Дафэя за долю секунды утратило остатки красок. Весёлая улыбка растаяла без следа.

— Хорошо, — спокойно, почти смиренно произнёс он и поднялся на ноги. Несмотря на изрядное количество выпитого, его взгляд оставался кристально ясным, а голос — твёрдым.

Он протянул руку и взял со стола нераспечатанную бутылку водки. Секретарь Ли в панике вжался в диван, решив, что парень сейчас разобьёт её о край стола и устроит поножовщину.

Однако Чжоу Дафэй лишь привычным движением свинтил крышку и повернулся к Лян Вэю:

— Я искренне рад нашей встрече. И хочу сказать спасибо. Я перед тобой в неоплатном долгу. В тот сочельник мне следовало быть рядом с Чжао Умянем, но я оставил его одного. Случись с ним тогда что-то непоправимое — я бы до конца дней себя не простил.

— Ну что ты... — смутился Лян Вэй. — Я ведь просто...

Чжоу Дафэй не дал ему договорить. Он обхватил пальцами холодное стекло и прижал горлышко к губам. Кадык ритмично заходил вверх-вниз — он пил водку прямо из горла, крупными, жадными глотками. Спирт тонкими струйками стекал по его подбородку, падал

каплями на воротник, но парень даже не зажмурился.

Секретарь Ли, никогда не видевший ничего подобного, застыл как вкопанный. Когда к нему вернулась способность двигаться, Чжоу Дафэй уже с глухим стуком опустил пустую тару на деревянную столешницу.

Удивительно, но после целой бутылки сорокаградусного пойла он выглядел едва ли не самым трезвым и собранным среди всех присутствующих.

Лян Вэй ошарашенно перевёл взгляд с пустой бутылки на свой бокал и потянулся к нему:

— Ну, тогда и я...

— Не надо, — Чжоу Дафэй мягко перехватил его руку. — Терпеть не могу алкогольные дуэли и все эти глупые тосты ради приличия. И сам никогда не пью «из уважения». Только если действительно хочу.

Шэнь Цзуй молчал, но не сводил с него глаз.

Сегодня этот странный юноша открылся ему с совершенно иной стороны. Особенно когда говорил о студенческих годах, о театре и о своём друге. В устах Чжоу Дафэя Чжао Умянь предстал чистым, ранимым романтиком, витающим в облаках идеалистом с утончённым слогом и врождённым чувством прекрасного. Человеком, в чьих жестах и словах сквозила подлинная, не испорченная миром кино поэзия.

Шэнь Цзуй поймал себя на уколе странной, необъяснимой ревности к этому неведомому Чжао Умяню, но в то же время ощутил неодолимое, щемящее притяжение к их обоюдному прошлому.

Чжоу Дафэй, впрочем, увлечённый разговором и разгорячённый смесью алкоголя, совершенно не заметил перемены в его взгляде.

— Пошли, — Чжоу Дафэй небрежно вытер рот тыльной стороной ладони и кивнул секретарю Ли.

— Да... конечно... едем, — заикаясь от пережитого стресса, пробормотал тот.

Лян Вэй порывался что-то сказать напоследок, но Шэнь Цзуй мягко придержал его за локоть.

Сделав пару шагов к выходу, Чжоу Дафэй резко остановился, словно вспомнив о чём-то важном. Обернувшись, он запустил руку в карман куртки, достал оттуда сорванный днём зелёный листок и бережно вложил его в ладонь Лян Вэя:

— Как вернёшься в Пекин и увидишься с Чжао Умянем... передай ему это.

— Что? — растерялся тот, разглядывая обычный лист на своей ладони.

Взгляд Чжоу Дафэя устремился куда-то сквозь стены, в туманную даль:

— «В Цзяннани нет богатств, достойных друга... Прими в подарок эту веточку весны».

<http://bllate.org/book/19003/1902973>